

Швецова Е. А.

Самарский государственный университет, Самара

**Феномен аутизма. Симптоматика отсутствия другого
в свете феноменологической философии**

**Phenomenon of autism. Symptomatology of the other's absence
in the perspective of phenomenological philosophy**

УДК 111; 316.27

Аннотация. Изучение истории исследования аутизма позволяет выявить симптомы этого психического заболевания. В психологии к их числу относят специфические нарушения коммуникации, логического мышления и речи. Феноменологическая философия, однако, даёт истолкование аутизма не на онтическом, а на онтологическом уровне. Феноменология рассматривает аутизм как отсутствие структуры Другого и трансформацию субъективности.

Summary. The examination of the history of the autism investigations enable to explicate the symptoms of this mental illness. Psychology reckons among them specific disturbances of communication, logical thinking and speech. Phenomenological philosophy interprets autism, however, not on ontic, but on ontological level. Phenomenology treats autism as an absence of the Other's structure and as essential transformation of subjectivity.

Ключевые слова: аутизм, симптомы, другой, субъективность, феноменология, философия.

Key words: autism, symptoms, Other, subjectivity, phenomenology, philosophy.

Сегодня разговоры об аутизме в моде. Часто можно даже услышать, что мы живем в разгар эпидемии этой болезни, в век аутизма. Что же представляет собой эта болезнь? И почему привлекает столько внимания? В чем ее необычность? Почему именно сейчас психиатры, психологи и философы обратили на нее свой взор?

«Одним из важнейших симптомов некоторых психических заболеваний является преобладание внутренней жизни, сопровождающееся активным уходом из внешнего мира. Более тяжёлые случаи полностью сводятся к грёзам, в которых как бы проходит вся жизнь больных; в более лёгких случаях мы находим те же явления, выраженные в меньшей степени. Этот симптом я назвал аутизмом» [1]. (Лат. из греч. «ауто» – «сам», «изм» – лат. из греч. – суффикс для образования абстрактных существительных, обозначающих действие, его результат или состояние). Так в 1911 году впервые определил этот термин знаменитый швейцарский психиатр Эйген Блейлер. Ему же мы обязаны и термином шизофрения, самим представлением об этой болезни, ее симптомах и картине протекания. Собственно, аутизм и рассматривался Блейлером как один из симптомов шизофрении.

Выделение аутизма из шизофрении в отдельный синдром произошло в 40-х годах XX века. В отдельное заболевание аутизм был выделен детским психиатром Лео Каннером (статья «Аутистические нарушения аффективного контакта», 1943 год). Основными признаками, отмеченными психиатром, были неспособность взаимодействовать с людьми, устанавливать эмоциональный контакт, задержка речевого развития, некоммуникативная речь, симптомы начинают проявляться с рождения или до 30 месяцев.

Независимо от Каннера, почти в то же самое время, в 1944 году, австрийский психиатр Ганс Аспергер описал состояние аномального поведения группы подростков, проявляющееся в нарушении социального общения и коммуникации. Он отметил своеобразное использование языка, необычное интонирование речи, неспособность создать полноценный визуальный контакт. Указывал на бедность мимики и жестов, моторную неловкость, дисгармоничные, угловатые движения, несформированность простейших социальных навыков, импульсивность детей, без принятия во внимание требований обстановки.

И по сегодняшний день ключевыми характеристиками аутизма считаются глубокие нарушения в социальном развитии, качественные нарушения коммуникации, нарушение коммуникативной функции речи, снижение способности к эмоциональному контакту.

Данные симптомы аутизма могут быть проинтерпретированы в терминах отсутствия структур Другого и изменения субъективности. В философии второй половины XX века обнаружена важность Другого для конституирования субъективности. В философии вплоть до Гуссерля субъект предполагался автономным, самодостаточным, трансцендентальным, по отношению к нему Другой оказывался вторичным. И одной из проблем, с которой столкнулась феноменология, был выход солипсического субъекта к Другому. Постструктурализм переставляет акценты. У Лакана мы обнаруживаем, что субъективность выстраивается во взаимодействии со структурой Другого. Это означает, что пока нет Другого, нет и субъекта. Осмысление этой проблемы выразилось и в том, что она стала активно обнаруживаться и на онтическом уровне. Возможно, этим и может быть объяснен факт выделения аутизма из симптоматики шизофрении в отдельное заболевание.

Иными словами, аутизм стал «видимым» в результате произошедших изменений в гносеологических и онтологических установках. И он послужит нам моделью для изучения взаимосвязи структуры Другого и субъективности, поскольку именно в ситуации сбоя мы можем изучить нормальное функционирование структур. Как отмечает О. А. Власова в своей книге «Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ»: «Психическое заболевание может представляться для философии своеобразной призмой, увеличительным стеклом, где она может увидеть то, что невозможно узреть в норме. Используя этот инструмент анализа, она способна проникнуть в онтологические тайны бытия» [2, 11].

Возможно, возникнет вопрос, на каком основании онтологическая структура анализируется на онтических примерах. Дело в том, что такие опыты уже были, так, например, представители экзистенциального анализа пытались связать онтологическую и онтическую области в опыте психически больного человека. Как пишет Власова: «Здесь, конечно, возникают многочисленные вопросы: что запускает трансформацию оснований существования человека? Почему в психическом заболевании происходят такие трансформации? К сожалению, в работах представителей экзистенциального анализа ответов мы не найдём. Задача связать онтологию и онтику – очень трудная задача. Закономерно, что преодолеть этот разрыв ни феноменологической психиатрии, ни Dasein-анализу не удаётся. Возможно, что Хайдеггер прав, и психиатрия в принципе не способна приоткрыть завесу над онтологическими основаниями опыта. В любом случае, проблема взаимодействия онтологии и онтики является одной из центральных проблем, которую феноменологическая психиатрия поставила перед философией. И в этом состоит её важнейшее значение для философии XX века» [3, 73].

Целью настоящей работы является экспликация в феномене аутизма симптоматики отсутствия структуры Другого и изменённых форм субъективности. Исследование осуществляется средствами феноменологической философии и ориентировано на следующие вопросы. Действительно ли мы имеем в случае аутизма полное отсутствие структуры Другого? Является ли аутист субъектом? Если не является, то может ли им стать?

О. С. Никольская в статье «Проблемы обучения аутичных детей» характеризует детский аутизм как особое нарушение психического развития ребенка, при котором тяжело поражается возможность его социального взаимодействия с другими людьми и вся система коммуникации с ними [8]. Причем, как отмечает О. С. Никольская: «...нарушения коммуникации, и трудности социализации проявляются вне связи с уровнем интеллектуального развития, т. е. как при низких, так и при высоких его показателях» [8].

Крайнее одиночество аутичного ребенка проявляется еще во младенчестве: ребенок не тянется к взрослому, когда его хотят взять на руки, не принимает удобную позу, когда его держат родители, не реагирует на удаление и приближение матери, не улыбается. То есть, у ребенка отсутствует стремление к контактам с окружающими. Родители часто отмечают, что ребенку глубоко безразличны даже близкие люди (родные), и они для него даже будто

нереальны. Дети не могут нормально налаживать отношения с людьми и выглядят счастливо, когда их оставляют в покое.

Как пишет Тео Питерс: «Дети, страдающие аутизмом, не воспринимают окружающих как социальных партнеров. Это нередко приводит к тому, что они начинают относиться к другим людям, как к предметам, а их действия часто оказываются направленными не на человека в целом, а на отдельные части его тела, как это происходит, когда ребенок направляет свою агрессию только на руку удерживающего его человека» [9]. Это подтверждает в своем интервью аутистка Ирис Юханссон: «Аутисты не воспринимают людей как других людей, а воспринимают их на уровне предметов» [5]. А в книге о своем детстве она пишет: «В мире Ирис не было людей, только масса обстоятельств, которые иногда замирали, которые можно было понюхать, попробовать на вкус, схватить и бросить» [13]. Аутичный ребенок может лазать по человеку как по предмету мебели, или дереву. О подобном восприятии людей, как объектов, вспоминают многие люди, страдающие аутизмом. Отец, мать, братья, сестры не представляли для них никого интереса, а самым большим удовольствием было одиночество. На примере этих симптомов мы видим, что другие люди не воспринимаются как люди именно потому, что при такой степени нарушений нет самой структуры Другого.

Аутисты испытывают большие трудности в дифференциации людей, животных, неодушевленных предметов. Так Хильде де Клерк рассказывает о своем сыне Томасе: «Однажды мы ехали в автобусе. В то время ему уже исполнилось 5 лет. Вдруг он обратил внимание на даму: ее прическу невозможно было не заметить. Он показал на нее и спросил: «Мама, это человек или животное?» Я прошептала ему очень тихо, что это была «женщина», «дама». Тогда Томас спросил: «Что стоит у нее на голове?»» [9]. Эрик Мэш и Дэвид Вольф в своей книге «Детская психопатология» описывают не менее любопытный случай: «Воспоминания о собаках вызывают у Джерри замешательство и дрожь. В детстве он считал их человекоподобными существами, поскольку они могут двигаться по собственной воле. Однако они не были похожи на настоящих людей, и эта загадка не давала ему покоя. Собаки отличались особенной непредсказуемостью: они могли сорваться с места без всякой видимой причины» [7]. Другой мальчик-аутист категорически отказывался узнавать свою учительницу, которая пришла на урок без привычной ленточки в прическе.

Если аутист все же дифференцирует человека из окружающей среды, то человек для него выступает как зона ужаса. В сочинениях аутистов на тему «люди» вырисовывается образ человека как могущественного и опасного существа. В момент страдания (ударился, устал, болен) ребенок-аутист не приходит за утешением к родителям, близким людям, он ищет успокоения в каких-либо стереотипных действиях. Более того, даже в момент опасности аутист не стремится за помощью к людям. Как пример можно привести рассказ родителей Андрюши: «В некоторых ситуациях, когда вблизи Андрюши был с его точки зрения какой-то опасный фактор (например, высота, река и пр.), – он отчаянно боялся всякого приближающегося человека, особенно взрослого. Дети в виду опасности ищут у взрослых защиты. У Андрюши было строго наоборот. Человек был для него дополнительной угрозой, зоной непредсказуемого и неконтролируемого. Человек свободен, то есть свободен поступать так, как хочет. Как можно знать, что придет ему в голову?» [10]. Можно предположить, что здесь Другой уже выделен из мира объектов, но как структура еще не выстроен окончательно. Это и объясняет последующие трудности.

Непредсказуемость поведения других людей и непонимание логики их действий являются основными причинами страха аутистов: «Люди были для меня источником серьезного беспокойства. Я не понимал их или не догадывался о том, что они могут сделать мне. Они все время менялись, и у меня не было чувства защищенности», – рассказывает аутист Шон Бэррон [9]. «Самыми сложными для понимания являются люди. Проблема не только в том, что вы их видите. Они появляются в тот момент, когда вы этого не ожидаете, они шумят, и вместе с этим, они предъявляют к вам требования, которые вы даже не в состоянии понять. Едва вы начинаете осмысливать происходящее, как что-нибудь происходит, и все меняется», – пишет аутистка Тереза Жолифф [9]. «Я не очень интересовалась людьми. Мой мир

был населен всем, что только есть на свете: столами, стульями, растениями, животными, людьми, но меня занимали только обстоятельства, в которых я жила. Люди были более тягостными, чем животные и всякие вещи, потому что они все время менялись и хотели от меня чего-то непонятного, того, что причиняло мне боль или вызывало беспокойство», – вспоминает о своем детстве Ирис [13].

Люди, страдающие аутизмом, испытывают трудности в распознавании эмоций по человеческим телодвижениям, жестам, выражению лица и голосу, не чувствуют чужих телесных границ (могут стоять слишком близко к собеседнику). Смеются, когда человек плачет: их забавляет вода, льющаяся из глаз. Не понимают плача другого ребенка: «там девочка странно кричит». Человеческие эмоции в данных случаях выступают для аутиста как любопытные физические явления. Дети-аутисты, в отличие от своих здоровых сверстников, могут сгруппировать изображения людей по типу головных уборов, которые те носят, а не по эмоциональным выражениям их лиц. Но даже научившись распознавать выражения лиц по картинкам, аутичный ребенок не может понять выражение лица живого человека при непосредственном общении: «Томас совсем не понимает выражения лица. Он никогда не знал, сердится ли на него взрослый, и всегда начинал смеяться, если выражение лица другого человека внезапно менялось. С тех пор я стала учить его различиям между «радостный», «испуганный» и «сердитый». Мы тренировались на большом количестве фотографий. Маленький Томас сейчас может безошибочно назвать эмоции людей на этих фотографиях. Но к его сожалению, у всех людей лица разные и поэтому ему все еще трудно читать эмоции других людей по лицам. Однажды его сестра Элизабет очень сердито посмотрела на него. Томас совершенно серьезно спросил: «Элизабет, почему на твоём лице столько линий?» [9].

Аутист и сам не способен адекватно использовать для регулирования социального взаимодействия контакт взора, мимическое выражение, жестикуляцию (к примеру, у детей часто отсутствует указательный жест).

Особые проблемы имеются с контактом глаз. Они часто смотрят как бы мимо человека: «обычно люди говорили, что у них возникало ощущение, что я смотрю не на них, а куда-то сквозь них, словно я не замечала их присутствия» [9]. Это имеет место в тех случаях, когда человек для аутиста еще не выделен из окружающего мира предметов. Но даже когда происходит это выделение, взгляд аутичного человека характеризуется как неэмоциональный, «вытаращившийся». Причина этого в том, что для аутиста непосредственный визуальный контакт нежелателен, эмоционально его перегружает, вызывает дискомфорт: «Нет ничего тяжелее для меня, чем смотреть на лица людей, особенно смотреть им в глаза. Если я все-таки заставляла себя это сделать, а для этого всегда требовалось огромное сознательное усилие, я могла выдержать это не более секунды» [9]. Люди, страдающие аутизмом, часто отмечают, что контакт глаз не только неприятен, но и вызывает страх. Аутичные дети часто закрывают глаза руками, поворачиваются спиной, то есть всячески избегают смотреть в глаза другого человека. Тео Питерс рассказывает случай, когда одна девочка не могла видеть глаза человека даже на картинках, родителям пришлось в учебниках заклеивать лица всем нарисованным там людям. Это удивительно напоминает страх от взгляда Другого, описываемый Сартром: «Другой своим взглядом похищает, замораживает мои возможности, я становлюсь для него объектом, которым он хочет распоряжаться» [11]. Взгляд Другого пугает тем, что я могу быть увиден насквозь, пугает своей непредсказуемостью: «Сартр говорит, что это факт присутствия чужой свободы, которая есть угроза моей. Другой не есть готовое бытие (так как он больше не объект), он возникает в отношении ко мне, т. е. в своем взгляде. И в этом опасность: неизвестно, во что он превратится» [11]. Состояние аутиста, испытывающего тревогу при контакте глаз, схоже с описываемым состоянием я-объекта, находящегося под взглядом Другого. Но именно по этой тревожной реакции можно заключить, что Другой уже наличествует в мире аутиста, более того, здесь можно сказать, что под этим взглядом Другого обнаруживается его субъективность: «Обмен взглядами, с которого начинается бытие под взглядом, добавим мы, есть первый шаг рефлексии: я больше не предполагаю, что Другой, т. е. тот, кто является неким привилегированным объектом в мире объектов,

видит, теперь я это знаю. Но это не все. Я знаю также – ощутив на себе его взгляд, – что он не рассматривает меня как объект» [11].

Теперь обратимся к особенностям речи аутистов. Около 50% аутистов так и не овладевают осмысленной речью. Но даже у тех, у кого речь развивается, остаются серьезные речевые нарушения. Не все аспекты речи в одинаковой степени подвержены нарушению. Так, к примеру, на фонетическом и лексическом уровне трудности не столь значительны. Самая же серьезная речевая проблема – неумение использовать речь с целью социальной коммуникации. Это проявляется в отсутствии реакции на речь других людей, неспособности начать и поддерживать диалог; трудности с пониманием смысла и употреблением понятий; стереотипном использовании речи; нарушении невербальной коммуникации (жестикуляция, мимическая экспрессия).

Отсутствие реакции на речь других можно проиллюстрировать воспоминаниями аутистки Терезы Жолифф: «Мне кажется, что прошла целая вечность, прежде чем я осознала, что разговаривающие люди, возможно, требуют моего внимания. Иногда я испытывала сильное раздражение потому, что от меня ожидали, что я буду внимательно слушать, что говорят другие, хотя таким образом они нарушали мой покой. Как только я осознала, что в некоторых случаях говорящие обращались именно ко мне, я начала понимать больше, чем просто значение каждого отдельного слова» [9].

У аутистов отмечается принципиальное непонимание того, что речь можно использовать для коммуникации. Аутист Джим Синклер рассказывает: «Поскольку я не использовал речь для коммуникации, пока мне не исполнилось 12 лет, всегда высказывалось много сомнений относительно моей способности стать когда-либо самостоятельным человеком. Никто не догадывался, как много я понимаю, потому что я не мог им сказать о том, что я знаю. Речевая терапия была бессмысленной тренировкой на повторение бессмысленных звуков ради непонятной цели. Я и представить себе не мог, что с помощью коммуникации можно обмениваться мыслями с другими людьми» [9]. А вот история Шона Бэррона о том времени, когда речь не использовалась им для диалога: «В то время я не умел выражать свои чувства словами. Мне никогда не приходила мысль в голову, что я могу спросить маму, почему я был так не похож на других детей. Я не думал, что я мог сказать ей о том, что нуждаюсь в помощи. Я не мог представить, что слова могут быть использованы с такой целью. Для меня речь была еще одним действием, которое я делал по принуждению, инструментом, которым я пользовался для подражания, что было характерно для моего стереотипного поведения» [9].

Но даже осознание речи как инструмента общения не решает проблемы. Применение речи дается аутисту, т. е. ее прагматический аспект, с трудом. Вот пример непонимания речевой прагматики. Звонит телефон. У аутиста спрашивают: «Ты можешь поднять трубку?» В ответ: «да». И полное бездействие. В этом случае аутист правильно понимает значения слов, но не может проинтерпретировать контекст, в котором эта фраза используется. Вопрос, по сути, являлся просьбой взять трубку, не попыткой узнать о возможности.

То есть люди, страдающие аутизмом, понимают сказанное буквально. Причем значения слов часто закрепляются за контекстом жестко и однозначно – то, какое значение усваивает ребенок за словом впервые, и остается неизменным в дальнейшем использовании данного слова. Так в следующем примере: «В течение двух лет мать молодого человека, страдающего аутизмом, пыталась поправлять его, говоря ему: «Не так. Нормальные люди так не делают». Сын останавливался. Затем мать добавляла: «Ты ведь хочешь выглядеть нормальным человеком, правда?», на что тот отвечал: «Да». Но однажды матери пришло в голову спросить сына: «А ты знаешь, что означает слово «нормальный»?» Сын снова ответил: «Да», что очень порадовало мать. Но когда она попыталась добиться от него определения этого слова, он сказал: «Это вторая кнопка слева на стиральной машине» (Donnellan, 1988)» [7]. Слово «нормальный» связывалось у мальчика только с кнопкой на стиральной машине.

Метафоры вызывают у аутистов большие трудности. Примеров этому множество: когда мальчика попросили вытереть ноги после прогулки под дождем, он снял ботинки, носки

и вытер ноги о коврик; другой мальчик впал в ужасную панику, когда ему сказали, что его мама выплакала все глаза; если учитель хвалил Джона и говорил «отлично», Джону казалось, что на него сердятся; услышав такие фразы как «На нем не было лица» или «они еле унесли ноги», Джон начинал искать людей без лица или без ног; другой аутичный ребенок, услышав, что больной дядя, был прикован к постели уже три недели, побежал к маме, чтобы сказать: «Дядя Джон прикован к постели, но он такой хороший!» и так далее.

Наряду с образными выражениями и многозначными словами, трудности вызывают абстрактные слова. Так об одном из пациентов Питерс Тео пишет: «Самую большую трудность у него вызывали слова с абстрактным значением, например, «влияние», «социальный», «экономика». Объяснить такие слова Джону было невозможно» [9]. Аутистка Темпл Грандин рассказывает, что многие слова ставят ее в тупик, а попытки обратиться к словарю мало что дают для их понимания: «наряду с такими словами, как «поразительный», «непостижимый», «таинственный», я как-то пыталась понять, что значит слово «величественный», но в словаре все эти слова объясняются маловразумительными синонимами» [4]. Также имеются серьезные трудности с общими понятиями: «В те годы, когда я начала кричать, папа заметил, что я не понимаю содержание речи нормальным образом, не осмысливаю ее. Субстантивные понятия я усваивала хорошо, если их не нужно было обобщать. Лампа – это именно та лампа, которая выглядит вот так, и никак иначе. Если кто-то говорил о лампе другого типа, ее для меня не существовало. Ее просто не было, пока кто-либо не прибавлял к этому слову что-либо, что отличало бы его от первого понятия, которое я усвоила, например, настольная лампа, настенная лампа, и т. д. Люди, способные к общению, в первые годы жизни ассоциируют лампу с ее функцией: то, что можно гасить и включать, называется лампа, но я не могла мыслить таким образом. Я не могла понять всю ту нематериальную информацию, которая присутствует в любой форме коммуникации, в которой обе стороны находятся на общем поле» [13].

Еще одной особенностью речи аутистов являются эхолалии, как моментальные, так и отсроченные. Так ребенок, которого спрашивают: «Хочешь печенье?», ответит повторением вопроса: «Хочешь печенье?». Психологи считают, что хотя эхолалия раньше считалась формой патологии, для ребенка, страдающего аутизмом, она является важным шагом на пути к овладению речью. О. Никольская в своих семинарах отмечает, что аутисту трудно выстроить речь от себя (мы можем проинтерпретировать это как дисфункцию субъекта), и потому он использует чужие сложные обороты по смыслу. Интересны примеры использования цитат из сказок. Так голодный мальчик говорит своей маме: «Испеки-ка ты мне бабка колобок!» А другой ребенок, испугавшись того, что мама сердится за его проступок, спешно выкрикивает: «Смилуйся, государыня золотая рыбка!» Вспомогательную функцию повторения чужих реплик отмечает аутистка Тереза Жолифф. Повторения давали ей возможность строить более длинные фразы, в то время как самостоятельно она с трудом связывала даже пару слов. Тереза объясняет этим не только факт повторения выражений, но и точного воспроизведения интонаций голоса, что ее произнес: «...долгое время ты имеешь лишь слабое представление о речи, и к тому же она требует от тебя таких усилий, что ты начинаешь верить, что ты должен воспроизвести не только слова, но и голос, которым они были сказаны. Тебе просто не приходит в голову мысль, что эти слова можно произносить различными голосами, и что существует альтернативный способ выражения. Только благодаря своей учебной работе, я смогла осознать тот факт, что одно и то же можно сказать по-разному, и все эти варианты будут считаться правильными» [9]. Таким образом, эхолалии – это не всегда бессмысленное повторение услышанного, в ряде случаев – это выражение попытки общаться. Возможно, именно эхолалиями объясняется и неправильное употребление местоимений. Еще Каннер отмечал тот факт, что дети использовали «ты», когда говорили о себе. Такое употребление местоимений может быть результатом дословного повторения реплик других. Например, когда ребенка по имени Тим спрашивают: «Как тебя зовут?», он отвечает: «Тебя зовут Тим», вместо «Меня зовут Тим».

Особенности интонационной стороны речи также отличает этих детей. Часто они затрудняются в контролировании громкости голоса, речь воспринимается окружающими как «деревянная», «скудная», «механическая». Нарушены тон и ритм речи.

Как мы видим, речевое развитие аутичных детей своеобразно. На начальном этапе это использование речи как средства стереотипной аутостимуляции: удовольствие от самого процесса говорения, произнесение сложных слов, игра со звуко сочетаниями, словами, фразами. Как описывает это Ирис: «Из моего рта струился непрекращающийся поток слов. Это была не осмысленная речь, а масса слов, чаще всего совершенно беспорядочная, с которыми я играла, выставляла их в ряд и ловко складывала, и, казалось, от души веселилась» [13]. В дальнейшем это уже попытка диалога, хотя бы за счет тех возможностей, что имеются (как в случае с эхолалиями). Таким образом, отсутствие речи у аутистов или ее стереотипное использование указывает нам на то, что структура Другого отсутствует. В случае же попытки использовать речь для коммуникации, мы можем предположить, что структура Другого в какой-то степени уже наличествует.

Как уже отмечалось ранее, логика поведения обычного человека не всегда понятна аутисту. Ему тяжело дается освоение правил социального взаимодействия. Психологи определяют эту особенность через понятие социальная слепота. Окружающая действительность представляется человеку, страдающему аутизмом, чем-то чрезвычайно запутанным, так аутистка Тереза Жолифф рассказывает: «Я с большим трудом понимаю смысл всего, что относится к социальной сфере. Мне удается понять что-либо только тогда, когда каждый, даже самый мельчайший шаг или правило записаны и пронумерованы один за другим. Мне приходится повторять это неоднократно, пока я не выучу их наизусть. И все равно это еще не гарантия, что ты знаешь как, когда и где применить эти правила, т. к. обстоятельства могут измениться, и ты чувствуешь себя совершенно растерянным» [9].

Аутисты отмечают, что хотя им в какой-то мере удается имитировать социальное поведение, но что скрывается за этими условностями, так и остается для них неясно: «Жизнь это безграничная масса, состоящая из людей, событий, мест и предметов, которые постоянно взаимодействуют друг с другом, что сбивает меня с толку, вызывает чувство растерянности. Социальная жизнь невероятно трудна, т. к. в ней трудно увидеть структуру. Как только мне начинает казаться, что я понимаю смысл, как вдруг я обнаруживаю, что при небольших изменениях в ситуации прежняя структура уже не работает» [9]. Потому аутичные люди, сами того не желая, часто совершают неадекватные поступки: «Лорна Винг рассказала мне один случай, когда взрослый человек, страдающий аутизмом, вошел с оружием в банк с целью получить деньги. Он видел нечто подобное по телевидению. 10 полицейских машин были высланы для его ареста. Он даже не мог понять, что он совершил: «Именно так получают деньги в банке!» [9]. Ирис Юханссон говорит о трудностях обретения социальных навыков следующее: «Очень трудно социализироваться, если ты не имеешь ни малейшего понятия, что это такое. Наблюдать и тренироваться, упражняться, упражняться, упражняться, делать так же, и, может быть, в лучшем случае добиться какого-то автоматизма. Самое сложное, что такие понятия как опыт, воля, мотивация и т. п. не воссоздаются внутри, они становятся массой пустот и иррациональностей, нужно заставлять себя все продумывать в голове и создавать структуры, которым потом следуешь. Иногда как будто пытаешься вспомнить то, чего не существует, можно вспомнить, что чего-то нет, но нельзя вспомнить, что представляет собой то, чего нет» [13].

Аутизм также характеризуется серьезными нарушениями в эмоциональной сфере. Неспособность к сопереживанию – одна из главных проблем у аутистов с высоким уровнем интеллекта. Аутист Роберт Мюррей пишет: «Эмоциональное состояние других людей – это полностью вне моей способности понимания. Когда я вижу кого-то, испытывающего эмоции по поводу какой-то ситуации, чувствую себя озадаченным и обеспокоенным, потому как не способен разделить этот момент, будь это слезы или большое удовольствие» [14]. Джулз Р. Бемпорад из Медицинской школы в Гарварде так описывает одного аутичного взрослого: «Порой кажется, что Джерри способен интеллектуально осознать, что чувствуют

другие, но бессознательно поставить себя на место другого он не может» [4]. О детском состоянии Ирис Юханссон мы читаем: «Это самое очевидное в Ирис – у нее нет сочувствия к живому, для нее это лишь движение, у нее нет чувства, которое будит мысль и понимание» [13]. Даже достаточно социализированные аутисты отмечают, что отношения с другими остаются проблемой, вещи по-прежнему нравятся больше людей, а заботиться о людях совершенно не хочется. Они говорят, что окружающие им не нужны и не интересны. Почему же эмоциональная сфера ущербна? Может быть, потому, что человеческая эмоциональность тесным образом связана с развитием я-сознания.

Тогда становится ясно, почему осознание смертности дает аутичному человеку возможность совершить некий прорыв. Осознание своей конечности – это, по сути, обретение дистанции по отношению к себе, обнаружение я-присутствия. В случае с Ирис это произошло в результате столкновения за короткий период времени с несколькими смертями: «В двенадцать лет она поняла, что такое смерть. До того, как это случилось, в ее мире не было постоянных людей, они приходили и уходили, и не имело никакого значения, живут они или нет, для нее они были, если она видела их, иначе их не существовало в ее мире. Память не функционировала, не предоставляла никаких собственных импульсов и связей, только при внешнем напоминании люди возникали снова» [13]. Ирис почувствовала, что со смертью связано что-то очень важное, что-то, что меняет жизнь: умерший человек больше не возвращался в свою комнату, и все продолжалось так, будто никогда его и не существовало: «В ее мир постепенно входило знание о начале жизни: начало было, когда рождался теленок, он был совсем маленьким, потом он жил, и все кончалось, когда он умирал» [13]. Ирис начинала понимать, что человек чем-то отличается от всего остального, и что нужно думать как-то по-особому, когда дело касается людей: «Это понимание приводило ее в замешательство, она не знала, откуда оно пришло, она не знала, как относиться к нему. Это было трудно, непонятно, болезненно и тягостно, и все-таки ее влекло к этому особому миру» [13]. В дальнейшем Ирис удалось создать семью, что случается у больных аутизмом достаточно редко. У нее родилась дочь, но материнских чувств она так и не испытала. «К счастью, – пишет Ирис, – у меня был хороший муж и добрые домочадцы, которые заботились о девочке» [12].

В этом же ключе нам интересен случай с Темпл Грандин, которая отметила особо важный этап в осознании смысла собственного существования и момент пробуждения чувств к людям. Этим событием было убийство бычка во время работы на животноводческой ферме. В своем дневнике Темпл описала это так: «Я протянула руку к станку и погладила бычка по спине. Мне было жаль его, и он, наверно, это почувствовал – стал не так бояться. Через несколько секунд он превратится в грудку мяса, а его неповторимая сущность вернется к Богу. Так устроен мир: одни должны умирать, чтобы продолжалась жизнь других. Я чувствовала такие близость и уважение к этому бычку, каких не испытывала никогда раньше. В какой-то момент я осознала: чтобы научиться понимать не только разумом, но и сердцем, я должна сама убить животное. Избегать этого последнего этапа – значит бежать от реальности» [4].

Возможно, осознание конечности существования дает ключ и к осознанию времени. Степень осознания аутичными людьми специфики времени, его «течения» весьма невысока. Даже расписание на день представляет слишком большую трудность для многих из них, они не в состоянии охватить такой большой отрезок времени. И потому обычный человек, который способен ориентироваться во времени, выглядит в их представлениях как могущественное существо: «Люди – это которые хорошо понимают, все делают быстро, следят за временем. Люди – это которые везде успевают, ведут себя хорошо» [6]. Беттельхейм пишет, что в мире аутиста нет ни времени, ни причинности. Можно сказать, что нет времени в нашем понимании – нет прошлого, будущего, только лишь настоящее. Но и это настоящее не совсем в том смысле как у нас, скорее это – «здесь и сейчас». Слова Ирис служат этому подтверждением: «Я никогда не нахожусь в прошедшем времени или в том, которое наступит, я постоянно присутствую. Только на мгновение, когда я смотрю в ежедневник, я оказываюсь на некой дистанции от настоящего» [13]. Ирис не могла провести связь между временем на часах и реальностью. С календарем все было еще хуже: «Я не понимала, что число, которое

стоит на бумаге, имеет отношение к конкретному дню. Я не могла подготовиться, если никто не говорил мне, что именно сегодня произойдет что-то особенное. Жизнь для меня – поток, жидкая субстанция, у нее нет границ. Я стала тренироваться, каждый день смотрела на календарь, говорила вслух, какое сегодня число, какой день недели, какая неделя, месяц и год. Я связывала это с погодой, восходом солнца, тем, что росло на земле, или тем, каких птиц можно услышать. Постепенно у меня образовалась некая структура, так что я могла заглянуть в календарь и связать календарный день с реальностью, но у меня нет никакого ощущения этого, только формальное знание» [13]. Ирис приходится структурировать не только рабочее время, но и свободное. Только если она следует расписанию строго по пунктам, время «не растекается». Но как отмечает сама Ирис, несмотря на то, что она владеет информацией о времени и пространстве, все же случаются сбои: «Бывает так, что я приезжаю на час или на день раньше или позже, или прихожу в нужный день, но в другом месяце или году. Сейчас это стало забавной чертой жизни, и люди часто снисходительно смеются вместе со мной. Мой коллега по работе, Леннарт, постоянно просматривает мой ежедневник и проверяет, все ли у меня согласовано, так что получается очень мало промахов, и я этому очень рада» [13]. Итак, патологические трансформации темпоральности, которые мы наблюдаем у аутичных людей, снова указывают на нарушение структуры субъектности, так как время есть условие сознания субъектом самого себя.

Подводя итоги рассмотрения симптоматики аутизма, можно сказать, что на разных стадиях заболевания, в различных состояниях человека, страдающего аутизмом, встречаются как черты отсутствия структуры Другого и субъективности, так и черты их наличия. Так, например, такие симптомы, как восприятие аутистами людей в качестве объектов окружающей среды, специфические нарушения в эмоциональной сфере, их непонимание коммуникативной функции речи, неспособность ориентироваться во времени, демонстрируют нам отсутствие структуры Другого. В то же время, такие признаки, как выделение человека из предметной сферы, (особенно вследствие опыта конечности), возникающий интерес к общению, попытки осуществить речевую коммуникацию доступными средствами, стремление освоиться с правилами социального взаимодействия, несмотря на серьезные трудности в этом, а также частичное осознание специфики времени, свидетельствуют нам о появлении структуры Другого и формировании субъективности, хотя и в существенно трансформированной форме.

Литература

1. Блейлер Э. Аутистическое мышление. URL: <http://www.autism.ru/read.asp?id=144&vol=0> (дата обращения 14.11.2009).
2. Власова О. А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. Курск: Курск. гос. ун-т., 2009.
3. Власова О. А. Экзистенциальная аналитика и экзистенциальный анализ: Хайдеггер – Бинсвангер – Босс // Топос. 2007. № 3 (17).
4. Грэндин Т., Скариано М. Отворяя двери надежды. Мой опыт преодоления аутизма. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autism.ru/read.asp?id=15&vol=0> (дата обращения 17.01.2010).
5. Жизнь других // Журнал Большой город. URL: <http://www.bg.ru/article/8387/> (дата обращения 17.03.2010).
6. Литвиненко И. Сочинение: Люди. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autism.ru/own.asp?who=litvinenko&num=3> (дата обращения 17.01.2010).
7. Мэш Э., Вольф Д. Детская патопсихология. [Электронный ресурс] URL: <http://bookap.info/genpsy/kidspat/gl75.shtm> (дата обращения 15.06.2010).
8. Никольская О. С. Проблемы обучения аутичных детей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autism.ru/read.asp?id=16&vol=0> (дата обращения 12.10.2009).
9. Питерс Т. Аутизм – от теоретического понимания к педагогическому воздействию. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2362> (дата обращения 18.10.2009).
10. Сошинский С. А. Как зажигается свеча. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autism.ru/read.asp?id=156&vol=0> (дата обращения 30.05.2010).

11. Шпарага О. Н. Кто он, другой? (экскурс в феноменологию видимого мира) [Электронный ресурс] // Топос. 2001. № 1 (4) . URL: <http://topos.ehu.lt/zine/2001/1/shparaga.htm> (дата обращения 06.06.2010).
12. Юханссон И. Интервью. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.logoburg.com/rod/publik/autizm/4.htm>
13. Юханссон И. Особое детство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autism.ru/read.asp?id=90&vol=0> (дата обращения 18.06.2010).
14. Robert W. How to love without emotion. URL: <http://www.aspires-relationships.com/> (дата обращения 14.02.2010).